

«А слушай нашу историю. Институт прикладной физики РАН — один из лидеров был, особенно вне Москвы и Питера, лидером по приложениям к военной сфере. Подали по нашему сверхмощному лазеру большой проект, еще подали по нашей нелинейной оптике, у нас там большие заделы. И тут в последний момент какие-то ребята прибежали из университета и говорят: давай по многофокальной астрономии подавать проект. Возьмем тех-этих астрономов, сделаем «солянку» и подадим проект. Подали три заявки. И как ты думаешь, какая прошла? По сверхмощному лазеру ничего не прошло, все завалили на первом этапе. Прошла вот эта многофокальная астрономия и «сборная солянка всего на свете». Да MIT не выгодно поддерживать стратегический лазер! Почему премьер этого не понимает?! Почему он не понимает? Не будут они поддерживать русскую науку! Нельзя это делать. Вот вам последняя точка: в университете Назарбаева при каждом иностранце есть свой казах или русский. Подпись одна не действительна, работают только две подписи. Это «клуб комиссаров». Это же все организация науки!

Большое спасибо!

Вопросы задавала С. А. Душина

Интервью П. А. Белова, доктора наук, главного научного сотрудника, заведующего лабораторией «Метаматериалы» (НИУ ИТМО)

Павел Александрович, почему Вы согласились принять участие в конкурсе мегагрантов?

П. А. Белов: Тогда, а это было 4 года назад, я уже принял решение — работать в России. До этого я выезжал за рубеж, работал в Финляндии и Великобритании, а перед этим — в Южной Корее. И я начал формировать в ИТМО небольшую группу, занимались метаматериалами. Был объявлен самый первый раунд мегагрантов, там были показатели, которые мы могли выполнить. Требовался очень хороший ведущий ученый, который поднимет уровень российской науки «на невиданные высоты». Такой у нас был. Я общался с Юрием Кившарем из Австралийского национального университета достаточно долго, порядка пяти лет, ездил к нему раза три или четыре, никаких плотных контактов не было, потому что далеко и дорого, и я решил, было бы здорово позвать такого человека к нам, попробовать выиграть мегагрант. Юрий согласился, потому что он выходец из постсоветского пространства, из Харькова, с Украины, он сказал: конечно, поможем России, какие проблемы... Подали на грант и выиграли. Вот и начали работать. До этого лаборатория состояла, наверное, человек из семи, сейчас благодаря мегагранту она выросла до 50 человек.

Почему Вы решили остаться в российской науке?

П. А. Белов: Во-первых, стало как-то «теплее»: стали появляться какие-то гранты, возможности для молодых ученых. Стало спокойнее, в том смысле, что я знал, как это происходит за рубежом, знал, чего можно достичь за рубежом и в России примерно

с теми же самыми показателями. Но, имея российское гражданство и желание работать в России, можно достигнуть гораздо большего. Например, в Европе какой-либо активный и серьезный ученый не может себе позволить содержать лабораторию из 50 человек. Просто невозможно. Средний размер лаборатории от 7 до 12 человек. Это при всем желании, со всеми возможными грантами, которые есть в той или иной стране. А у нас, если есть желание, есть молодые хорошие ребята, то с ними вполне можно работать. Работу, в конце концов, делает молодежь. Я сделал ставку на то, что в России много молодых ребят, им просто нужно помочь, а они помогут мне. Вот и работаем потихоньку.

Сколько молодых в лаборатории, если всего 50 сотрудников? Хотя бы в процентном соотношении?

П. А. Белов: А у нас «старых» — всего трое! Все остальные — молодые. Если доктор наук до 40 лет, то он молодой? Мне — 36, значит и я еще молодой! У нас 3–4 человека «взрослые». К сожалению, просто так получается легче. Показатели, которые сейчас требуются, — публикации за рубежом, поездки на конференции — то, к чему старшее поколение не привыкло, оно привыкло в Советском Союзе работать. С молодыми намного легче. И действительно, получается. У нас студенты IV курса, которые не защитили еще бакалаврский диплом, выступают на конференциях и пишут статьи. У нас есть человек, который 8 статей в международных журналах опубликовал (для защиты кандидатской минимально нужно три), а у него еще бакалаврской работы нет. Когда он выступает на конференциях, то ему задают обычно вопрос: через сколько времени Вы будете защищать кандидатскую, чтобы мы Вам могли предложить работу. Он обычно улыбается и говорит, знаете, я еще бакалаврскую не защитил. При определенном подходе вполне можно работать.

Таких мотивированных ребят Вы набираете из своего института или объявляете конкурс и к вам едут из других вузов?

П. А. Белов: Делаем и то, и другое. На самом деле большинство ребят, которые у нас сейчас работают, это ребята, которые поступили в ИТМО на нашу кафедру, где существует лаборатория, и по распределению, поскольку на кафедре существует практика после второго курса привлекать ребят к научной деятельности, по распределению они попадают в лабораторию. Ведется, конечно, селекционная деятельность, то есть выбираются люди, я с ними некое собеседование провожу (хотя на уровне второго курса не понять особенно, что ребята умеют), а потом просто работают. А отдельно мы в рамках мегагранта открывали позиции, то есть официально в Интернете, на сайтах выкладывали информацию о том, что мы набираем аспирантов, не студентов, а аспирантов и кандидатов физ.-мат. наук, и проводили всероссийский конкурс, как только начали открывать лабораторию. По конкурсу к нам попал аспирант из Владивостока, приехали ребята с Украины. Так и должно быть. Так во всем мире: если открывается какая-то позиция, то о ней знают не только в одном университете, а она широко освещается, и люди на нее подаются. Вот сейчас у нас в рамках новой программы «5 в 100» (программа, по которой правительство финансирует 15 университетов с тем, чтобы пять российских вузов вошли в топ-100 мировых рейтингов) университет тоже собирается объявлять такой открытый конкурс.

Ваша лаборатория получили софинансирование по этой программе?

П. А. Белов: У нас мегагрант закончился, мы по нему проработали три года, мы его продлили на два года, один год — это финансирование бюджетное, и он сейчас закончился, в следующий год — софинансирование, должно использоваться софинансирование. И мы работам сейчас в рамках программы «5 в 100», университет нам выделил деньги.

Павел Александрович, что вашей лаборатории дала работа ведущего ученого?

П. А. Белов: Все и дала. Юрий Кившарь — это человек, у которого индекс Хирша значительно больше 70, очень опытный, знает, в каких журналах публиковаться, знает, какие тематики интересны, какие не интересны, знает много интересных вещей. Он, конечно, нас очень многому научил, фактически вначале он переучивал многих, кто работает в лаборатории, кто старого уклада, который раньше был заведен в России, переучивал нормальному европейскому, американскому стилю. Он добавлял ту компоненту, которой в России нет.

Нормальный (европейский или американский) стиль — это что?

П. А. Белов: Публиковаться в международных журналах, общаться с зарубежными коллегами, обсуждать результаты. Вы отправляете статью в журнал, происходит рецензирование, ее читают, комментируют, дальше происходит цитирование, «раскрутка» этой работы, доклады на конференциях, обсуждение с коллегами. Российский стиль — это опубликовать в русском журнале, и об этом никто и никогда не узнает.

Но прежде чем публиковать, необходимо провести исследование.

П. А. Белов: Сами исследования в России и до этого были на неплохом уровне. Большая проблема — популяризация, рассказ об этих исследованиях в правильной форме, доведение до законченного варианта. С этим всегда, на мой взгляд, была проблема.

Получается так, что Ю.С. Кившарь выступал, прежде всего, в роли менеджера — он помогал лаборатории, как Вы сказали, «раскрутиться»?

П. А. Белов: Да, конечно. Сейчас профессор международного уровня — это не исследователь в российском понимании этого слова, он не сидит и в пробирку не капает ничего, и в белом халате нигде не ходит. Современный профессор является действительно менеджером, он руководит другими работниками, которые конкретно исследования и проводят. Он выбирает направление, в котором нужно проводить исследование, он помогает советом, опытом, помогает опубликовать эту работу, помогает правильно ее представить и т. д. Это основная роль для самого опытного человека в коллективе.

Скажите, пожалуйста, было ли куплено оборудование на средства мегагранта?

П. А. Белов: Да, конечно. В университете достаточно много было готового оборудования, которое было закуплено в рамках НИУ, коим вуз является, и тоже выиграл грант в свое время. Но этого оборудования недостаточно, и мы приняли решение купить два дорогих прибора, которые из других средств было бы невозможно купить, и эти приборы «влились», ну, не в центр коллективного пользования, а мы пользуемся ими совместно с нашими другими коллегами, соответственно, коллеги нам дают пользоваться своими приборами. Вместе база получается очень широкая и очень хорошая, очень много чего можем делать. Мы купили ближнепольную зондовую установку — это микроскоп, который может смотреть детали много меньше, чем длина волны света. Он смотрит ближнепольные распределения, снимает спектры комбинационного рассеяния. И купили установку нанолитографии, это нанопринтер, трехмерный принтер, который печатает на наноуровне с разрешением 120 нанометров. Мы на нем можем печатать наноструктуры, на компьютере создать модель, нажать кнопку и прибор напечатает эту структуру, дальше мы можем ее исследовать. Конечно, такие приборы без мегагранта было бы очень сложно купить, особенно в той комплектации, в том объеме и с той поддержкой, которая требуется этим приборам, потому что каждому прибору нужен работник, который будет уверен, что он дальше будет работать именно на этом

приборе и получать достойную зарплату. С помощью мегагранта этих целей удалось достигнуть. Оба прибора работают в отличие от других приборов, которые есть в других университетах, и подразделениях, когда прибор есть, а на нем никто не работает, потому что не умеет, либо что-то сломалось, и нет денег, чтобы его починить, либо еще какие-то проблемы. У нас приборы не стоят, реально работают.

Павел Александрович, где еще в стране или за рубежом ведутся разработки, аналогичные вашим?

П. А. Белов: В России есть несколько лабораторий, которые занимаются метаматериалами, наша, конечно, самая большая по количеству людей и работ, ею выполняемых, а за рубежом есть очень много активно работающих групп. Начиная с 2000 года, это направление, метаматериалы, испытало экспоненциальный рост интереса, потому что очень интересные приложения: можно делать объекты невидимыми, можно преодолевать дифракционные пределы, очень много чего-то, что казалось невозможным сделать. Поэтому много лабораторий этим занимаются, в Америке, в Европе. Наша лаборатория на уровне очень хорошем, с нами не то чтобы считаются, с нами работают, к нам приезжает очень много иностранцев, которые хотят с нами работать, сами это иницируют, им это интересно. Приезжают сюда, в лабораторию, вот на прошлой неделе были два голландца, мы с ними обсуждали применение метаматериалов в МРТ, перед этим были два человека из Йены. Это только те, кто успел к нам за последний месяц. Приезжают американцы, мы ведем с ними совместный проект, австралийцы, исторически как бы, потому что проект с Австралией, идет очень большой поток людей из Австралии, приезжают из Германии, Дании, Испании, Португалии... Когда я это говорю, это не значит, что я кого-то из них лично знаю, это значит, что мы ведем с ними нормальную работу, публикуем статьи, обмениваемся либо аспирантами, либо учеными, чтобы они к нам ездили, мы к ним. Ведем совместные проекты.

Павел Александрович, если говорить традиционным российским языком науки, то ваши разработки ближе к прикладным?

П. А. Белов: Они не то, чтобы прикладные. В России так повелось — есть теории, и есть практики. На самом деле современная наука не такая. В нашей области практические требования — непосредственно то, что нужно человеку — ставятся во главу угла, потому что заниматься наукой «просто так» неэффективно, расходовать средства на это тоже неэффективно. Видна цель: в случае, например, тех же самых метаматериалов, мы пытаемся развивать фотонику, то есть делать оптические чипы взамен электронных, которые мы сейчас все используем. Если нам это удастся сделать, то у нас будут оптические компоненты, которые будут работать в разы быстрее и меньше энергии потреблять. И мы перейдем с электроники на фотонику. Это глобальная цель. Есть много-много проблем, которые мешают движению к этой цели. Например, нет нужных материалов, из которых эти компоненты делать. Мы решаем эту проблему, мы создаем метаматериалы с теми свойствами, которых нет в природе. Мы находим эти материалы и предоставляем другим людям. Мы не делаем полный цикл, то есть мы, конечно, занимаемся фундаментальными исследованиями, мы проверяем концепции, что можно делать и т. д. Никаким производством, никаким внедрением мы пока не занимаемся. Но мы интегрированы с теми же австралийцами, у которых есть большой консорциум вузов и научно-исследовательских институтов, которая называется CUDOS. Они настроены на то, чтобы в 'железе' сделать эти реальные фотонные компоненты. Мы делаем теоретическую базу, подсказываем, как

и что надо делать, они делают уже компонентную базу. У нас есть своя собственная ниша, мы в некотором смысле теоретики, но теоретики, которые не делают то, что по-английски называется “blue sky research”: взрывается черная дыра или не взрывается, и в ближайшие 10 лет от того, как она взрывается, никому ни жарко, ни холодно не станет. Мы делаем разработки, которые реально в течение 5 лет могут повлиять на конкретные продукты, которыми мы с вами все пользуемся. Например, метаматериалы уже в антеннах мобильных телефонов применяют, я очень надеюсь, что скоро в магнитно-резонансной томографии нам удастся их применить. Может быть, удастся достигнуть совершенно другие функциональности: мы все мобильные телефоны сейчас заряжаем при помощи провода и везде у нас куча проводов, но сейчас уже есть беспроводные зарядки, мы пытаемся улучшать их характеристики с помощью метаматериалов. Вот вы мобильный телефон кладете на зарядку, и он просто заряжается (показывает устройство), без электрического контакта.

Есть ли в России структуры, аналогичные австралийским, которые готовы были бы с вами сотрудничать и которым вы могли продавать свои идеи?

П. А. Белов: Структуры, наверное, есть. Но я не буду лукавить, не буду говорить, что у нас в России высокотехнологичных производств «не особенно много». Ответ: «скорее нет, чем да». Но потенциал у нас есть, и можно что-то делать. Но конкретно мои разработки в России очень тяжело продвигать. Скорее, это легче делать с иностранными компаниями, у которых это все отработано и понятно, как все это будет происходить.

Почему конкретно в России тяжело продвигать?

П. А. Белов: Мне хочется заниматься магнитно-резонансной томографией. В моем же вузе непосредственно работал профессор, который в России изобрел МРТ, я уж не знаю, раньше, чем европейцы или нет, но он придумал концепцию, собрал все это. При этом у нас рынка томографов в России нет, их у нас не производят, хотя мы умеем делать сверхпроводящие магниты, всю электронику и т. д. Его просто нет. А я занимаюсь этим направлением. Мне либо нужно самому этот концерн создавать, с нуля, а это все очень тяжело: сверхпроводники для магнитов, электроника для этого, компьютеры для управления, либо я иду в «Philips» — в компанию, которая в Голландии все это умеет делать. Те технологии, в которых наши материалы могут применяться, они достаточно сложны, поэтому в России это не легко применить, хотя мы пытаемся и с РОСНАНО, и с другими компаниями разговаривать, но пока это к каким-то серьезным результатам не приводит.

Павел Александрович, как Вы оцениваете подготовку и ресурс ваших молодых коллег, студентов, аспирантов?

П. А. Белов: Великолепно! Великолепный потенциал сотрудников, единственное — это их нужно учить. Ребята очень умные. Я прошел через то время, когда был большой отток умных ребят из страны, я сам выезжал, потому что здесь не было ни денег, ни зарплаты, я в 2000-м году уехал, раньше еще больше людей уезжало. А сейчас ребята говорят мне: «А зачем? Если Вы можете заплатить зарплату здесь, то я не хочу ехать за рубеж, я хочу работать здесь, в этой стране, и мне здесь нравится». В этом смысле, если им обеспечить необходимую базу здесь, то есть дать приборы, дать гранты, то потенциал очень большой, но с этим нужно работать. За секунду это не получится. Нужно растить новое поколение, чтобы оно выросло и стало конкурентоспособным в сравнении с другими странами, где не было разрыва, где не было перестройки, где не было полного развала науки. На это, по моим оценкам, лет 10 требуется, чтобы все заработало. Сейчас это самое начало, какие-то «отголоски»

появляются, молодые ребята, которые бьются в неравном бою с российскими реалиями. Если они победят или российские реалии уступят, то все будет хорошо.

Ю. С. Кившарь в одном из интервью сказал, что одним из результатов работы вашей лаборатории стала хорошо подготовленная молодежь, которая в ситуации неопределенности подается на постдоковские позиции за границу. И резюмирует так: «*опять наступаем на те же грабли — готовим отличную молодежь для заграницы». Нет ли в этом расхождения с тем, что Вы говорите?*

П. А. Белов: Посмотрите, раньше уезжали все. Любой умный парень, если он хотел заниматься наукой, то должен был уехать за рубеж, потому что в России он не смог бы кормить ни себя, ни семью. Сейчас, о чем я Вам и говорил, у человека есть возможность остаться здесь в определенных группах или выиграть самому грант и работать в России. Это совершенно не значит, что он не захочет куда-либо уехать, работать за рубежом. Те люди, которые у нас работают, они квалифицированные, и их с руками отрывают в международные группы. И я не держу этих людей, это нормальная интеграция в мировую науку. Наши ребята едут работать за рубеж, а зарубежные ребята едут работать к нам. У нас работает немец, приехал на стажировку, к нам приезжают работать белорусы, украинцы. Нужно некоторое время, чтобы это было естественным — иностранцу приехать работать в Россию. Сейчас пока — это редкость. К нам в лабораторию они хотят ехать, потому что мы разговариваем по-английски, мы работаем на мировом уровне, им это интересно. Да, не могу сказать, что мы целевым образом кадры готовим для России, но мы готовим кадры на очень хорошем уровне, на основании которого дальше можно что-то будет строить. Они могут работать либо в каких-то фирмах, либо продолжать заниматься наукой, или опять же уехать за рубеж. Но это будут те люди, которые, некоторое время поработав за рубежом, с большой вероятностью вернуться обратно, потому что они знают, что их здесь ждут и что если предложат хорошие условия, то вернуться обязательно. Другие, которые выезжали перед этим, никогда не вернуться, потому что они уезжали из страны, которой они были не нужны, и возвращаться они не собираются никогда, потому что приняли для себя решение об эмиграции. А эти ребята вполне — поедят-поедят и вернуться. Им нужно постоянное финансирование, потому что должна быть уверенность — они строят семьи, они берут ипотеки. У них должна быть уверенность в завтрашнем дне, но если наступает январь, а в вузе нет никаких денег на выплату зарплат, то они немножко задумываются... Потому что они могут переехать через границу с Финляндией — и там зарплата почему-то в январе есть.

Каковы перспективы финансирования вашей лаборатории, ее будущее?

П. А. Белов: Вот смотрите — университет сейчас выиграл грант «5 в 100», это финансирование до 2020 года. Цели гранта соответствуют целям нашей лаборатории — это интеграция в мировое научное пространство — писать статьи, работать с учеными. Такая базовая поддержка со стороны вуза оказывается в рамках программы «5 в 100». Ждем сейчас открытие Российского национального фонда, в котором будет программа «1000 лабораторий». Наша лаборатория способна выиграть несколько грантов, надеюсь, нам это разрешат, в рамках программы «1000 лабораторий». В этой лаборатории из 50 человек внутри «спрятались» микроволновая лаборатория, оптическая лаборатория, теоретическая и расчетная с группами порядка 10–15 человек. Мы очень надеемся и активно подаемся на разные гранты, мы не только на мегагрант живем, во время мегагранта мы выполнили порядка 16 других проектов, более мелких, но этим тоже занимаемся. Если в государстве, а оно сейчас

на это настроено, будет продолжаться политика долгосрочного (на 3–5 лет) и достаточно крупного финансирования, то мы просто этому очень рады, будем этим пользоваться, будем играть в эти гранты и, надеюсь, будем выигрывать и по ним работать. И будет некоторая стабильность. Сейчас уже есть, начиная с этого года, с января, некоторое понимание того, что базовое финансирование, в соответствии с темпланом, должно распределяться на иных принципах. Раньше оно позволяло как-то покрывать хоть какие-то ставки какого-то очень маленького количества работников, но сейчас выделяются высокие зарплаты для хороших квалифицированных специалистов. Это первые звоночки. У нас два человека из лаборатории выиграла эти гранты и сейчас по ним работают. Побольше бы таких грантов, побольше стабильности, и годика через два мы разберемся и будем понимать, что будет происходить через 2–3 года с точки зрения финансирования.

У вас в лаборатории конкурентоспособные зарплаты в сравнении с коллегами, например, из Германии, Дании?

П. А. Белов: Да. Для молодых тоже. У нас зарплата выше, чем средняя по региону, достаточно существенно. Но, собственно, ребята и работают так, чтобы и оправдывать эту зарплату. В этом смысле я, как заведующий лабораторией, придерживаюсь того мнения, что за хорошую работу надо хорошо платить. Чем мы и занимаемся.

С какими трудностями (в организационном плане) сталкиваетесь Вы в рамках мегагранта?

П. А. Белов: Это вещи, связанные с бюрократией, отчетами, бумагами, финансами. Это совершенно невозможная вещь, когда финансовый год заканчивается и нужно потратить все деньги до конца декабря, потом неизвестно, когда они придут, и невозможно ни зарплаты выплатить в течение января, ни, если нет зарплат, и люди находятся в отпуске по собственному желанию, невозможно их отправить в командировки. А на работу-то нужно, и командировки-то обязательны. Нормальная работа подразумевает написание статей, выступление на конференциях, поездки к коллегам за рубеж. Человек не сидит за своим столом, не пишет только формулы и не занимается только экспериментами. Сделав эксперимент, он едет к своим коллегам поделиться этим и делать эксперимент у них, коллеги приезжают к нему. Это естественный ход вещей, который в России в какое-то время был потерян из-за нехватки финансирования. В Европе это естественно — нужно поехать и человек едет, у него есть на это деньги. Да, они (сотрудники нашей лаборатории) все ездят и очень много. Как минимум каждый студент на одну конференцию в год. Практически каждый студент ездит еще и на стажировку раз в год. Если ему так «не повезло», что параллельно прошла какая-нибудь школа, и он на нее еще поехал, и не случилось, что ему нужно где-нибудь замещать меня с приглашенным докладом, и он поехал в четвертый раз.

Павел Александрович, последний вопрос: следует ли продолжать конкурсы в рамках Постановления правительства № 220?

П. А. Белов: Конечно, эти гранты, поскольку они были первые в России крупные — продолжать нужно. Единственный вопрос — в том формате, как он есть, или в другом? Как я понимаю, я не видел еще документов, поскольку конкурс пока еще не объявлен по «1000 лабораторий», нужно повышать требования, показатели не по «толщине» отчета, а по реальным показателям — количество конференций, количество публикаций, количество молодых, число защит, и это контролировать. Если в крупных грантах при большом финансировании требовать от людей выполнения этих показателей, то, может быть, и мегагранты будут не нужны, их другие гранты заменят.

Но сейчас пока мегагранты — это действительно хорошая схема, в рамках «1000 лабораторий» тоже есть приглашение иностранного ученого — компонента, очень похожая на мегагрант. Вот эта компонента, когда иностранец приезжает к нам, помогает в России — очень-очень важная. Без этого невозможно, то есть сколько бы вы денег ни давали в группу, сколько бы они ни хотели сделать какой-то продукт, у них просто закрытая система, они просто не знают, как это сделать. Должен прийти человек, который научит. Не зря в Россию Петр I звал иностранцев, чтобы нам показали, что нужно делать. Сейчас, казалось бы, в науке такая ситуация и имеет место: самостоятельно просто не справиться, потому что есть определенное отставание, и все это понимают, его нужно нивелировать. Просто продолжать 220-е было бы здорово, потому что есть много людей, которые на это ориентируются. И в Европе, и в Америке, если какая-то программа запускается, то люди планируют, что в будущем она будет продолжаться. А в России кажется, раз, два, и все закончилось... Хорошая программа, ее нужно продолжать, может, ее нужно интегрировать в «1000 лабораторий» естественным образом, не оставлять ее как самую престижную.

Большое спасибо!

Вопросы задавала С. А. Душина

Интервью К. В. Вяткиной, старшего научного сотрудника, руководителя направления «Вычислительная протеомика» проблемной лаборатории вычислительной биологии Санкт-Петербургского Академического университета

Кира Вадимовна, Академический университет известен, прежде всего, сильным физическим направлением. Почему было принято решение о развитии в нем биоинформатики?

К. В. Вяткина: Полагаю, этот вопрос не в полной мере может быть адресован мне. Я пришла работать в Академический университет в эту лабораторию после знакомства с Павлом Аркадьевичем (Певзнер П. А. — ведущий ученый лаборатории. — ред.), когда лаборатория уже существовала. Незадолго до открытия лаборатории Павел Аркадьевич приехал в Петербург и выступил с докладом, на котором я была. Мы поговорили, и, спустя несколько месяцев, в течение которых мы с ним общались и обсуждали некоторые задачи, он пригласил меня перейти в его лабораторию и возглавить в ней направление вычислительной протеомики. До этого я работала на математико-механическом факультете СПбГУ. Конечно же, я знала о создании этой лаборатории, но, наверное, мне не следует рассказывать об этом в деталях. Важно, что идея мегагрантов привлекла внимание людей, готовых и способных продвинуть столь серьезное начинание.

Как была организована работа лаборатории, набирали ли новых научных сотрудников?

К. В. Вяткина: В большинстве своем, сотрудники лаборатории — это выпускники и студенты матмеха СПбГУ и Академического университета. Организационными вопро-

